

УДК 323.2+321.02
DOI: 10.17323/19988613/73/3

А.Г. Наронская

СИСТЕМА РЕКРУТИРОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ПРАВЯЩЕЙ ЭЛИТЫ: ОБЩЕЕ И СПЕЦИФИЧЕСКОЕ

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Свердловской области
в рамках научного проекта № 20-414-660001 р_а.*

Рассматриваются основные характеристики системы рекрутирования советской правящей элиты. Утверждается, что в рамках генезиса советской элиты была сформирована жесткая и единообразная система элитообразования. Замкнутый и закрытый характер рекрутирования советской элиты компенсировался наличием внутренней ротации, а также развитием системы неформальных внутриэлитных взаимодействий. Делается вывод, что особенности советской системы элитообразования определили институциональное развитие современной России.

Ключевые слова: правящая элита, номенклатура, система рекрутирования.

Попытки проанализировать советскую правящую элиту неоднократно предпринимались в отечественной политической науке (М.Н. Афанасьев, Д.В. Бадковский, Т.П. Коржихина, О.В. Крыштановская, О.Г. Мясников, Ю.Ю. Фигатнер, О.В. Хлевнюк, М.Н. Чешков и др.). Данная тема остается востребованной, и для этого есть серьезное основание: советская правящая элита заложила траекторию институционального развития современных элитных групп. Поэтому критический анализ системы элитообразования, особенностей деятельности советской элиты необходим для понимания современного российского политического процесса. Особую актуальность теме данной статьи придает столетний юбилей революции 1917 г., которая стала отправной точкой формирования советской политической элиты.

Определение основных понятий

Изучение системы рекрутирования советской правящей элиты требует решения двух теоретических вопросов: определения категории «правящая элита» и установления основных элементов системы отбора элиты.

Правящая элита – это ключевой субъект политического процесса, который имеет властные ресурсы, а также легитимное право на выработку государственной политики и принятие важнейших решений. Во многом благодаря М.С. Восленскому в научной литературе советскую правящую элиту зачастую отождествляют с номенклатурой. При этом категории «номенклатура» и «правящая элита» не являются синонимами. Номенклатура – это профессиональная управленческая группа, представители которой, как и субъекты правящей элиты, обладают наибольшими властными ресурсами и занимают ключевые руководящие должности. Номенклатура является назначаемой частью государственных служащих, в отличие от элиты, члены которой могут избираться. Советская элита существовала в рамках однопартийной системы.

Власть партаппарата определила поглощение номенклатурой партийных и хозяйственных должностей, а наличие «номенклатуры выборных должностей» позволяет нам объединить понятия «советская номенклатура» и «советская правящая элита» [1. С. 25]. Перефразируя заглавие книги М. Восленского, можно выдвинуть тезис о том, что номенклатура была правящей элитой Советского Союза.

Ключевым фактором развития любой правящей элиты является система ее формирования. Система рекрутирования элиты состоит из следующих элементов:

а) механизмы рекрутирования (принципы выдвижения в состав элиты новых представителей – наследование, кровное родство, владение собственностью, профессиональная компетентность, образование, партийная принадлежность и т.д.);

б) каналы рекрутирования (пути продвижения вверх во властной иерархии: государственный аппарат; политические партии; силовые структуры; религиозные организации; органы местного самоуправления; система образования) [2. С. 100–103].

Система рекрутирования элиты не находится в статичном состоянии, она подвержена изменениям и динамике. Усиление или ослабление того или иного элемента элитообразования определяет характер политической системы в целом. Для элитогенеза особенно важно, какое место установленные формальные критерии рекрутирования политической элиты занимают в институциональном порядке, а также какую роль играют неофициальные отношения в системе рекрутирования правящей элиты. Очевидно, что даже в жесткой институциональной структуре существует пространство для неофициальных взаимоотношений между представителями элиты [3. С. 8–30]. Но в то же время доминирование неформальных механизмов элитообразования может привести к серьезным институциональным изменениям, к разрыву между нормативной системой отбора элиты и действительным способом формирования власти.

Закономерности развития системы рекрутирования советской правящей элиты

Номенклатурный принцип рекрутирования советской правящей элиты складывался с начала 1920-х гг., окончательно утвердился к концу 30-х гг. XX в. и с тех пор в течение 50 лет лишь модернизировался [1. С. 25].

Советская номенклатура – это перечень наиболее важных должностей в государственном аппарате и общественных организациях, кандидатуры на которые предварительно рассматривались, утверждались и отзывались партийным комитетом – от райкома, горкома до ЦК КПСС. Однако это не только перечень должностей, но еще и документы, которые выступали основанием системы элитообразования, запускающей механизм воспроизводства и господства советской политической элиты. Создание номенклатурной системы полностью заменило собой политическую и социальную основу советской элиты и обеспечило становление особого, замкнутого слоя власти имущих [1. С. 25].

Остановимся на главных характеристиках системы рекрутирования советской правящей элиты.

Первое: система рекрутирования советской элиты имела преимущественно закрытый характер. При этом существовали элементы открытого отбора советской элиты, особенно на первых этапах ее формирования. Данные о социальном происхождении представителей элиты в 1920-е гг. свидетельствуют о том, что представители различных социальных слоев имели возможность попасть в состав элиты – 29,6% вышли из семей служащих неспециалистов со средним образованием, 25,4% – из семей квалифицированных и высококвалифицированных рабочих, 20% – из крестьян, 12,6% – из семей работников с высшим образованием. В 1920-е гг. только 20% представителей элиты имели высшее, а 22% незаконченное высшее образование [Там же. С. 32–33]. Система рекрутирования ограничивала семейственность в советской правящей элите, так как не было институциональных механизмов наследования постов и должностей. Тем не менее развитие системы отбора советской правящей элиты – это постоянное движение в сторону все большей закрытости и однородности. Уже к концу 1930-х гг. число выходцев из семей крестьян и низкоквалифицированных рабочих возросло в 1,5% раза, в 1960-е гг. оно равнялось 70,5%, а в 1970–1980-е гг. эта цифра превысила 80% [Там же. С. 33]. Особым был и сам характер образования. В целом 60–80% состава советской элиты имели военное и партийное образование, остальные 40–20% – сельскохозяйственное, техническое и педагогическое. Таким образом, гуманитарные, юридические знания были практически полностью исключены из числа необходимых элите [Там же]. Постепенно развитие номенклатурной системы рекрутирования привело к тому, что советская элита стала достаточно однородной по социальному происхождению и уровню образования.

Закрытому характеру системы рекрутирования советской элиты способствовал *синкретизм власти и собственности*. Господство коллективной собственности, управление и распоряжение которой осуществ-

ляла советская номенклатура, определило ситуацию, когда только место в системе власти давало право получения экономических ресурсов и индивидуального богатства. Надо сказать, что отсутствие отделения власти от собственности, синкретизм власти можно отнести к социокультурной специфике России: эта особенность была свойственна России в течение столетий. Как отмечали Ю.С. Пивоваров и А.И. Фурсов, «результат нашей великой “самодержавной революции” – от “Третьего Рима” до Соборного уложения (1517–1649) состоял в том, что в России не возникло ни гражданского общества, ни государства, ни капитализма. Здесь появилась Самодержавная Власть, единая и неделимая, качественно однородная и, по сути, единственная. Причем единственная не только как власть, но и как субъект (моносубъект)» [4. С. 37].

Второе: механизмы рекрутирования элиты представляли собой упрощенную единообразную систему построения руководящих парторганов на всех уровнях власти. Партийность была основным принципом попадания в элиту. Данный принцип был отражен в ст. 126 Конституции СССР 1936 г. и ст. 6 Конституции СССР 1977 г. Замещение ключевых должностей во всех сферах общественной жизни осуществлялось только партийными организациями строго определенного уровня. Например, на заседаниях Политбюро ЦК КПСС происходило назначение первых, а иногда и вторых секретарей республиканских ЦК компартий, первых секретарей обкомов и горкомов крупнейших городов, союзных министров, высших военных, послов в социалистические страны и страны «большой семерки», директоров крупнейших заводов ВПК, руководителей творческих союзов, редакторов центральных партийных изданий. Секретариат ЦК КПСС утверждал заместителей министров, вторых секретарей обкомов, председателей облисполкомов и т.п. После этих высших рангов шли должности, требовавшие согласования в отделах ЦК КПСС, и далее – в обкомах, горкомах, райкомах партии и даже в первичных партийных организациях [5. С. 123–126].

Каковы же были результаты функционирования данного механизма? *Во-первых, произошло полное сращивание партии и государства.* Партийный аппарат осуществлял законодательные, исполнительные и контрольные функции в стране. Законодательные полномочия Верховного Совета СССР были формальными. На практике именно партийные комитеты одновременно функционировали как законодательные и исполнительные органы власти. Построение жесткой иерархии в Секретариате ЦК, совмещение должностей в секретариате и органах исполнительной власти предопределили тот факт, что именно секретарский аппарат сконцентрировал в своих руках реальные ресурсы власти. Органичным завершением данного процесса стала зависимость самого Секретариата ЦК от собственного аппарата [Там же. С. 385–387].

Во-вторых, главным принципом рекрутирования и вертикальной мобильности элиты стала личная преданность и лояльность партийному руководству. Профессионализм и опыт претендента постепенно отошли на второй план. Система вертикальной мо-

бильности элиты представляла собой целенаправленный отбор сверху, а не соревновательное движение снизу. Подобная мобильность закономерно требовала особых качеств, таких как моральная гибкость и преданность покровителям. Вместе с тем представители советской элиты были связаны партийной этикой, дисциплиной и четкими «правилами номенклатурной игры». Данные правила достаточно жестко контролировали систему элитобразования. Однако наряду с тем, что отбор в советскую правящую элиту стимулировал попадание лояльных и покладистых людей, сохранялись возможности для талантливых, способных и компетентных представителей общества попасть в состав элиты. В результате в состав советской политической элиты входили люди разного масштаба, как профессионального, так и человеческого.

В-третьих, отсутствие четкой системы разделения властей, закрытость и однородность системы рекрутирования советской элиты компенсировались интенсивной внутренней ротацией. Представителей советской элиты достаточно часто переводили из одной сферы управления в другую. Постоянно переплетались партийные и министерские карьеры, в результате чего происходили переходы с партийной работы на министерскую и обратно. «Чистые» карьеры встречались редко и в основном у хозяйственной части элиты. Подобная карьера имела место, когда, например, человек «рос» на заводе до директора, затем переходил в министерство и дослуживался до министра. В партийных же органах такой «чистый» путь карьеры был менее распространен [6].

Существенное влияние на мобильность советской правящей элиты оказывала острая внутрипартийная борьба. Например, значительное обновление элиты в 1930–1940 гг. происходило за счет репрессий в отношении представителей высшего советского руководства. Ярko иллюстрируют данный факт статистические данные, приведенные М. Восленским в книге «Номенклатура: господствующий класс Советского Союза». «Если в 1930 г. среди секретарей обкомов, крайкомов и ЦК нацкомпартий 69% были с дореволюционным партстажем, то в 1939 г. среди лиц, занимавших эти посты, 80,5% вступили в партию позднее 1924 г., т.е. после смерти Ленина. Похожие данные отражает и XVII съезд партии 1934 г., 80% делегатов которого вступили в партию до 1920 г., а уже через 5 лет половина делегатов XVIII съезда оказалась моложе 55 лет, т.е. в 1920 г. они были еще школьниками» [5. С. 99].

Отсутствие каких-либо гарантий безопасности заставляло элиту сформировать каналы нисходящей мобильности, создать специальные ниши (дипломатическая работа за границей, консультативные органы при Совете Министров или Верховном Совете СССР, группы генеральных инспекторов при Министерстве обороны и т.д.) для себя и членов своих семей. Со временем таких привилегированных зон становилось все больше и больше. Они обеспечивали пожизненное членство в номенклатуре и закрепляли полученный статус за «детьми элиты». Например, некоторые образовательные учреждения постепенно стали

привилегией номенклатуры. В число наиболее престижных вузов входили институты, дававшие образование экономиста-международника, дипломата, журналиста-международника (МГИМО, МГУ и некоторые другие). В результате некоторые профессии, в частности связанные с работой за рубежом, постепенно превращались в наследственные [6. С. 35–37]. Особенно наглядно данные тенденции проявились в период Л. Брежнева.

В-четвертых, неформальные отношения играли огромную роль в системе элитобразования советской элиты на всех этапах ее развития. Складывание неформальных институтов формирования советской элиты было обусловлено следующими особенностями советской системы: отсутствием альтернативных каналов попадания в советскую политическую элиту, кроме как через партийную бюрократическую иерархию; непрозрачными принципами отбора элиты; зависмостью карьеры от оценки и расположения высшего начальства.

Данные факторы обеспечили распространение неформальных патрон-клиентарных связей внутри советской элиты. Несмотря на существование довольно динамичной ротации, разрушить данные связи не удавалось; более того, ротация еще больше способствовала укреплению корпоративных связей внутри элиты. Чрезвычайно интересными представляются работы О.В. Хлевнюка, в которых он исследует неформальные внутриэлитные взаимодействия. В своей книге «Сталин, НКВД и советское общество» Хлевнюк приводит пример, когда Сталин на февральско-мартовском (1937) Пленуме ЦК ВКП(б) обрушился с критикой на секретарей партийной организации Казахстана Мирзояна и Ярославского обкома Вайнова. «Первый, – говорил Сталин, – перетащил с собой в Казахстан из Азербайджана и Урала, где он работал, 30–40 “своих” людей и расставил их на ответственные посты в Казахстане. Второй перетащил с собой в Ярославль из Донбасса, где он раньше работал, свыше десятка тоже “своих” людей и расставил их тоже на ответственные посты» [7. С. 77]. Хлевнюк отмечает, что, например, такие фигуры, как П. Постышев, Б. Шеболдаев, М. Разумов – сторонники Сталина, стали жертвами репрессий не по идеологическим соображениям, а в результате отстаивания и преследования своих «командных», «клановых» интересов.

Корпоративные отношения характеризовали не только элитобразование, но и образ жизни правящей элиты. Одним из наиболее ярких проявлений скрытой сферы существования номенклатуры являлась система ее особых привилегий, блестяще описанная М. Восленским. Эта разветвленная система образовывала «параллельный мир», в котором функционировала советская элита: специальное жилье, дома; специализированные дачи и пансионаты, специальные санатории, больницы и поликлиники; спецпродукты, продаваемые в спецмагазинах, спецстоловые, спецбуфеты и спецпарикмахерские; специальные автобазы и номера на автомашинах; разветвленная система специнформации, специальная телефонная сеть; спецшколы и интернаты; специальные высшие учебные заведения

и аспирантура; специальные залы ожидания на вокзалах и в аэропортах, и даже специальное кладбище [5. С. 267–331]. Постепенно теневые механизмы стали пронизывать все сферы деятельности советской элиты и вытеснять формальные институты, которые более не способны были осуществлять свои функции адекватно политической, экономической и социальной реальности [8. С. 32].

В ситуации ослабления формальных институтов требовались эффективная мобильность, качественное обновление состава элиты, что шло вразрез с функционированием номенклатурного механизма. Подобные особенности развития системы рекрутирования советской элиты стали одной из причин кризиса советской политической системы. С другой стороны, именно неформальные взаимодействия советской элиты стали основой ее трансформации в российскую элиту в 1980–1990 гг. В данном случае необходимо понимать, что неформальные отношения имеют двойное влияние на элитогенез: с одной стороны, они могут обеспечивать конкуренцию групп элиты и обеспечивать баланс социальных интересов, с другой стороны, могут деградировать до таких явлений, как коррупция, клиентелизм, и значительно ограничивать развитие институтов гражданского общества.

Опорой современной российской государственной власти, системы правящей элиты (как на федеральном уровне, так и в регионах) постепенно стали политико-финансовые группы. Эти группы – вышедшие на поверхность в конце 1980-х гг. корпоративные структуры, существовавшие в рамках прежней номенклатуры, в чьих руках были сосредоточены власть и собственность. Проведенный многими отечественными исследователями (М.Н. Афанасьев, О.В. Крыштановская и др.) теоретический и эмпирический анализ показывает, что

формирование элиты современной России было порождено процессами преобразования советской номенклатуры.

Заключение

Вышесказанное дает нам возможность понять, что в рамках генезиса советской элиты была сформирована жесткая и единообразная система элитообразования. Замкнутый и закрытый характер рекрутирования советской элиты компенсировался наличием внутренней ротации, сохранением некоторых механизмов открытого отбора, а также развитием системы неформальных внутриэлитных взаимодействий. Неформальные корпоративные отношения постепенно стали ключевым источником элитогенеза и определили характер трансформации советской элиты в новую российскую элиту в 1980–1990 гг. В результате ключевыми особенностями системы рекрутирования современной российской политической элиты стали: укрепление неформальных каналов формирования элиты; ограничение конкуренции в рамках правящей элиты; снижение легитимности системы элитообразования. Таким образом, современный российский элитогенез демонстрирует воспроизводство некоторых характеристик советской системы.

Обозначенные проблемы ставят новые задачи для исследователей правящей элиты России. Во-первых, необходимо определить причины постоянного воспроизводства закрытого неформального характера элитообразования. Во-вторых, надо понять, какие институциональные изменения могут обеспечить качественное обновление правящей элиты, а также участие гражданских структур в контроле за деятельностью правящей элиты и перераспределением общественных ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коржихина Т.П., Фигатнер Ю.Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия // Вопросы истории. 1993. № 7. С. 25–33.
2. Гаман-Голутвина О.В. Политическая элита – определение основных понятий // Полис. 2000. № 3. С. 97–103.
3. Блау П. Различные точки зрения на социальную структуру и их общий знаменатель // Американская социологическая мысль : тексты / под ред. В.И. Добренкова. М. : Изд-во МГУ, 1994. С. 8–29.
4. Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории. // Полис. 2001. № 4. С. 37–48.
5. Восленский М.С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М. : Октябрь : Сов. Россия, 1991. 624 с.
6. Крыштановская О.В. Бывшие. Тенденции нисходящей мобильности российской элиты // Общественные науки и современность. 2003. № 5. С. 33–40.
7. Хлевнюк О.В. 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М. : Республика, 1992. 270 с.
8. Аврамова Е.М., Дискан И.С. Адаптация населения и элит (институциональные предпосылки) // Общественные науки и современность. 1999. № 1. С. 24–33.

Anna G. Naronskaia, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russian Federation). E-mail: naronsk.an@mail.ru

THE RECRUITMENT OF THE SOVIET RULING ELITE: GENERAL AND SPECIFIC

Keywords: ruling elite, nomenklatura, the recruitment of elites.

The aim of the research is to analyze the recruitment system of the Soviet ruling elite. The author was motivated by desire to demonstrate that Soviet nomenklatura system has determined the institutional development of modern elites. The historical works of M. Voslensky, T. Korzhikhina, Y. Figatner, O. Khlevniuk were the theoretical basis of present article and provided the support for research questions. The author made the following conclusions about the immanent features of Soviet ruling elite. Firstly, the recruitment of the Soviet ruling elite can be defined as highly closed system. Such system based on the merger of power and property, when a position in government gave significant economic resources and individual welfare. Secondly, the recruitment of the Soviet ruling elite created a uniform system of party committees and departments at all levels of government. Thirdly, the lack of separation of powers, rigid and uniform system for selecting the Soviet ruling elite were balanced by high internal elite mobility and some mechanisms of open elite recruitment. Fourthly, informal networks played an important role in the elite recruitment system at all levels of development. Several reasons explain the growth and entrenchment of informal networks within the Soviet ruling elite: party hierarchy was the only channel of elite recruitment; promotion in this system based on non-transparent and ambiguous standards, rules and procedures; loyalty to supervisor (patron) was the key element for a successful career path. Gradually, informal institutions supplanted the formal ones.

Such transformation was one of the major causes of Soviet political system crisis. The author states that informal networks have complex and contradictory effect on ruling elite formation. Informal practices could have a positive impact on the elite genesis, they could provide a competition between groups within one ruling elite, some balance between different social interests, but at the same time they could lead to “corruption”, “clientelism” and greatly impede the development of civil society institutions. The dominance of informal ties creates obstacles to main institutional changes and increases the gap between the normative forms of selecting elites and real political power. Eventually, informal practices became the key source of elite recruitment and defined the post-Soviet transformation of ruling elite in late 1980s. As the result, the main features of modern Russian elite recruitment system are as follows: the increase of informal channels and mechanisms of elite recruitment; the restriction of competition within the ruling elite; the reduction of the legitimacy of selecting elite. Thus, the modern Russian elite genesis demonstrates the reproduction of Soviet system.

REFERENCES

1. Korzhikhina, T.P. & Figatner, Yu.Yu. (1993) Sovetskaya nomenklatura: stanovlenie, mekhanizmy deystviya [Soviet nomenclature: formation, mechanisms of action]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 25–33.
2. Gaman-Goluvina, O.V. (2000) Politicheskaya elita – opredelenie osnovnykh ponyatiy [Political elite – the definition of basic concepts]. *Polis – Polis. Political Studies*. 3. pp. 97–103.
3. Blau, P. (1994) Razlichnye tochki zreniya na sotsial'nyuyu strukturu i ikh obshchiy znamenatel' [Different points of view on social structure and their common denominator]. In: Dobrenkov, V.I. (ed.) *Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl'* [American sociological thought]. Moscow: Moscow State University. pp. 8–29.
4. Pivovarov, Yu.S. & Fursov, A.I. (2001) “Russkaya sistema” kak popytka ponimaniya russkoy istorii [The “Russian system” as an attempt to understand Russian history]. *Polis – Polis. Political Studies*. 4. pp. 37–48.
5. Voslenskiy, M.S. (1991) *Nomenklatura: gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz* [Nomenclature: the ruling class of the Soviet Union]. Moscow: Oktyabr'; Sov. Rossiya.
6. Kryshchanovskaya, O.V. (2003) Byvshie. Tendentsii niskhodyashchey mobil'nosti rossiyskoy elity [The Former. Trends in the Downward Mobility of the Russian Elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 5. pp. 33–40.
7. Khlevnyuk, O.V. (1992) *1937-y: Stalin, NKVD i sovetskoe obshchestvo* [1937: Stalin, the NKVD and Soviet society]. Moscow: Respublika.
8. Avraamova, E.M. & Diskin, I.S. (1999) Adaptatsiya naseleniya i elit (institutsional'nye predposylki) [Adaptation of the population and elites (institutional prerequisites)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' – Social Sciences and Contemporary World*. 1. pp. 24–33.